

Алашаньскій хребетъ.

Отчетъ геолога Монголо-Сычуаньской экспедиціи ¹⁾.

(Доложено въ засѣд. Отдѣл. Географіи Матем. и Географіи Физич.
25 января 1911 г.).

А. Чернова.

Общая часть.

11 мая 1908 года мы съ П. Я. Нопалковымъ вышли изъ Дын-юань-ина для изслѣдованія сѣверной части Алашаньскаго хребта и ближайшихъ къ ней горъ Ордоса. Товарищъ взялъ на себя, помимо съемки, сборъ насѣкомыхъ, на мою же долю пришлось, кромѣ геологическаго изслѣдованія, общее описаніе нашего маршрута, которое я и предпосылаю спеціальной части.

Изъ конвоя экспедиціи насъ сопровождали: младшій препараторъ Мадаевъ, Садбоевъ и Санакоевъ. Съ нами было два монгола: одинъ — погонщикъ, другой — проводникъ, посланный алашаньскимъ ваномъ на нѣсколько переходовъ и состоявшій въ числѣ его низшихъ чиновниковъ. Мы располагали пятью вьючными верблюдами, четырьмя верховыми и тремя лошадьми. Изъ экспедиціонныхъ собакъ съ нами пошла Лянга.

Утро было яснымъ и тихимъ, но по мѣрѣ нашего движенія надъ хребтомъ стали появляться кучевыя облака. Мы шли на сѣверъ вдоль западнаго склона хребта, постепенно къ нему приближаясь. Бѣлая пелена пыли скрадывала очертанія горъ, носящихъ здѣсь общее названіе Бугуту.

¹⁾ Сравнительно съ отчетами, написанными мною съ дороги, настоящій является болѣе подробнымъ, но еще далеко не исчерпываетъ всего фактическаго матеріала.

Горы расположены кулисообразно, быстро поднимаясь надъ пьедесталомъ на тысячи футовъ относительной высоты. На окраинѣ ихъ въ одномъ мѣстѣ выдается большая скала «Цонджи», имѣющая форму сторожевой китайской башни прежнихъ временъ; высшая же часть хребта несетъ обыкновенно притупленныя вершины.

По оврагамъ, врѣзывающимся мѣстами въ пьедесталъ, иногда попадаютъ ключи. Около воды ютятся полянки свѣжей зелени и пашни китайцевъ, но внѣ этихъ ничтожныхъ полосокъ пьедесталъ поражаетъ своей безжизненностью. На немъ только изрѣдка попадаютъ кустарники, чаще другихъ—мунку-карагана (мунку—вѣчный) съ эллиптическими мясистыми листьями. На ровной щелочной поверхности попадаютъ кольца, сложенные изъ крупнаго булыжника и нѣсколько напоминающія своимъ видомъ древніе могильники, такъ называемые «киргизъ-уры», но отличающіеся отъ послѣднихъ отсутствіемъ центральныхъ кучъ. Это—основанія загородокъ, устраиваемыхъ монголами для скота. Они указываютъ на мѣста ихъ прежнихъ стоянокъ, такъ какъ недавно сдѣланныя загородки имѣютъ стѣнки до 1 м. высоты.

На первыхъ же порахъ оказались крупные недостатки въ организациі нашего развѣзда. Данныя намъ животныя были набраны у разныхъ монголовъ, по приказанію изъ ямыня (управленіе вана), и были очень истощены. Хозяева животныхъ, не зная, что они получаютъ за ихъ работу, давали худшихъ верблюдовъ. Мы не двигались и четырехъ верстъ въ часъ. Монголь-вожатый изъ бережливости все время велъ въ поводу своего верхового верблюда, къ которому были пристегнуты вьючные.

Въ 14 верстахъ отъ оазиса, у колодца Эмчин-усу пришлось сдѣлать дневную остановку. Температура воды имѣла $9,5^{\circ}\text{C}$, тогда какъ въ воздухѣ въ часъ дня было $26,5^{\circ}$ въ тѣни, песокъ же на солнцѣ раскалялся до $48,6^{\circ}$. На равнинѣ здѣсь и тамъ возникали пылевые вихри и въ формѣ столбовъ поднимались по пьедесталу къ горамъ. Вечеромъ, взявъ съ собой воды для чаю, мы прошли еще верстъ 7, остановившись на ночлегъ у сухого оврага. Стали нависать дождевыя облака, упало нѣсколько капель, надъ горами повисли полѣсы, недостигавшія земли.

На другой день, пройдя 6 верстъ, достигли подножія скалистой части хребта и остановились въ устьѣ ущелья Мурин-голь. У подножія горъ виднѣлись китайскія фанзы съ большими участ-

ками пашень и огородовъ, обнесенными глинобитными стѣнами, вѣроятно, въ защиту ото монгольскаго скота. По крайней мѣрѣ, среди густого китайскаго населенія, гдѣ присмотрѣ за скотомъ организованъ лучше, загородки обыкновенно отсутствуютъ или строятся сообща. Здѣсь же часто каждому домохозяину приходится обносить отдѣльной стѣной свой участокъ.

Противъ насъ круто поднималась группа горъ, называвшаяся Долон-хорѣ, съ нѣсколькими скалистыми вершинами. Одна изъ нихъ, лежавшая прямо противъ нашего ущелья, называлась Цзурху (Сердце). Я рѣшилъ подняться на нее и взялъ съ собой Санакоева.

Ущелье вскорѣ раздвоилось и мы оставили его дно. Подъемъ сталъ крутымъ, почти непрерывно въ 30°, мѣстами круче. Въ ущельѣ видны фанзы, слышны голоса китайцевъ, по кручамъ пасутся овцы. По склонамъ попадаетъ чаще всего сосна, ель, заросли ольхи, цвѣтушая сирень. Крупныхъ деревьевъ не видно. Повсюду гладкія дорожки, по которымъ спускается внизъ лѣсъ. Срубаются уже деревья длиной до 2-хъ сажень.

Къ часу поднялись на одинъ изъ пиковъ Цзурху и провѣрили показаніе анероида гипсотермометромъ. Мы были на 700 метровъ выше нашего бивака, на 2500 метрахъ абсолютной высоты.

Во рту давно пересохло: полосканія водой изъ кипятильника на нѣкоторое время облегчаетъ наше состояніе. Спускаемся быстро, иногда скользимъ по гладкимъ плитамъ, но часто наталкиваемся и на недоступныя кручи. Иногда попадаемъ на торную тропинку, но послѣдняя приводитъ къ отвѣсному обрыву и приходится итти обратно. Эти тропинки своимъ происхожденіемъ обязаны тоже энергичной вырубкѣ лѣса.

На противоположной къ намъ отвѣсной сторонѣ бокового ущелья мой спутникъ замѣтилъ двухъ крупныхъ куку-ямановъ. Послѣ выстрѣла животныя моментально скрылись за гребнемъ, вблизи котораго стояли на ничтожномъ карнизѣ. Но и при удачномъ выстрѣлѣ животное едва ли годилось для коллекціи, такъ какъ упало бы съ 80—100 метровой высоты.

Наконецъ, на днѣ одного ущелья попался ключъ. Въ ямкахъ, наполненныхъ водой, плавало много головастиковъ. Тамъ, гдѣ приходилось итти особенно узкими и глубокими щелями, на днѣ ихъ попадался ледъ.

Около устья ущелья Мурин-голь—нѣсколько фанзъ и неболь-

шая китайская кумирня. Тутъ же живетъ монголь, не имѣющей скота и занимающийся немного земледѣліемъ. Въ подспорье онъ охотится въ горахъ и при насъ убилъ куку-ямана.

Нѣсколько выше устья, съ лѣвой стороны ущелья стоитъ большой камень съ высѣченными буквами. Монголь назвалъ его Намджир-вандынъ. Выше по ущелью раньше была буддѣйская кумиренка, развалины которой еще видны. Камнемъ ламы будто бы придавили злыхъ духовъ.

13 мая пошли дальше вдоль подошвы горъ, пересѣкая глубокіе овраги. Одинъ изъ верблюдовъ дорогой ложился, несмотря на то, что выюкъ былъ сравнительно не тяжелъ. Пришлось сократить переходъ и остановиться около колодца Эргэнъ, въ 16 верстахъ отъ Мурин-гола.

Колодецъ лежитъ въ сухомъ руслѣ, выходящемъ изъ ущелья Шатэн-голь. Оставивъ на бивакъ Садбоева, мы пошли вверхъ по ущелью. Оно врѣзывается въ известняки, поднимающіеся по бокамъ его на 100—200 и болѣе метровъ. Мѣстами это—совершенно отвѣсныя стѣны, мѣстами—цѣлый рядъ уступовъ и карнизовъ, поднимающихся въ формѣ гигантскихъ лѣстницъ. Въ одномъ пунктѣ ущелье сузилось до 1 м. Замѣтно, что вода дождевыхъ потоковъ здѣсь спирается и образуетъ водовороты, поднимаясь выше 4 м. Вскорѣ ущелье замкнулось недоступнымъ обрывомъ. Воды въ немъ не встрѣтилось. Въ трехъ-четыре мѣстахъ видѣли куку-ямановъ, стрѣляли много, но неудачно. Животныя держались на большой высотѣ и маскировались растительностью.

На слѣдующій день прошли мимо неправильно-конического массива съ задернованными скатами и вступили внутрь хребта, въ горы Арыкшан-хара-ола. Растительность около дороги была очень жалкой: мелкая вытоптанная трава и низкій кустарникъ—«будургана» (*Kallidium*). Только среди скалъ попался болѣе крупный кустарникъ—«шара-карагана» до $1/2$ м. высотой.

Пройдя 19 верстъ, остановились въ ущельѣ Учѣтэн-голь. Здѣсь оказался ничтожный ключъ, въ которомъ, однако, плавали мелкія рыбки. Этотъ фактъ, какъ и другіе случаи аналогичнаго рода, замѣченные нами, заслуживаютъ большого вниманія. Ключъ вскорѣ пересыхалъ. Даже въ дождевое время онъ долженъ былъ теряться въ пустынь, а въ продолжительные засухи, вѣроятно, пересыхалъ совершенно. Какъ могла существовать въ немъ рыба?

Не приспособилась ли она къ временному пересыханію бассейна? Будемъ ждать отвѣта зоологовъ.

Рѣзкій контрастъ съ выжженной вокругъ растительностью представляла полоска зеленой лужайки около ключа. Съ лѣвой стороны ущелья выше бивака находилось обо, изъ-подъ котораго вытекали ключи съ сильнымъ запахомъ сѣроводорода, Здѣсь ежегодно монголы собираются для богослуженія. Вода считается цѣлебной и ее пьютъ.

Вечеромъ около бивака появилось нѣсколько летучихъ мышей и препаратору удалось убить двѣ изъ нихъ, несмотря на быстроту ихъ полета. Онъ же въ своей постели поймалъ маленькую мышку.

Такъ какъ предстоявшій переходъ былъ каменистымъ, то, въ виду слабости верблюдовъ, пришлось разбить его на два. 15-го утромъ я прошелъ вверхъ по Учѣтэн-голу верстъ семь, чтобы ближе познакомиться съ его строеніемъ. По бокамъ русла обитали куропатки, сидѣвшія, вѣроятно, на яйцахъ. Потревоженные онѣ съ громкимъ крикомъ взбѣгали на скалы.

Въ этотъ день мы выступили въ 4 часа дня и пройдя двѣ невысокихъ сѣдловины, остановились на ночлегъ въ 10 верстахъ отъ прежней стоянки, но уже въ бассейнѣ Желтой рѣки. Мы разбили палатки въ широкой котловинѣ, тамъ, гдѣ нашу тропинку пересѣкала большая дорога въ Хара-хото на Желтой рѣкѣ. Густо поросшая бударганой котловина казалась всюду замкнутой скалистыми горами. Закатившееся солнце оставило на горизонтѣ желтую зарю. Подулъ довольно сильный ость.

На другой день, снова оставивъ позади двѣ небольшихъ сѣдловины, становимся на бивакъ въ сухомъ руслѣ около Уургинхудукъ, сдѣлавъ всего 14 верстъ. Но ни Садбоева, ни Санакоева долго нѣтъ. Посылаемъ за ними монгола на лошади. Оказывается, верблюдъ Садбоева отказался итти и, наконецъ, палъ... Это на 6-ой день по выступленіи! Верблюдъ былъ старъ и истощенъ болѣе другихъ: у него не было даже зубовъ.

Къ счастью, во время перехода къ намъ присоединился второй проводникъ, за которымъ былъ посланъ мѣстный монголъ съ Учѣтэн-гола. Онъ поѣхалъ на поиски животныхъ, но нашелъ лошадь только для себя. Проводники вышли изъ затрудненія очень просто. Привязавъ у обрыва нашихъ лошадей, они карьеромъ погнали по ущелью бродившихъ здѣсь, неизвѣстно кому принадлежавшихъ животныхъ. Лишь только напуганныя лошади

добѣжали до привязи, какъ моментально остановились. Тогда одинъ изъ монголовъ осторожно сошелъ на земь и сталъ понемногу подходить къ лошадямъ, пока ему не удалось поймать одну изъ нихъ. Другой проводникъ все время былъ на сторожѣ. Лошади пряли ушами, вотъ-вотъ готовыя броситься.

У старика, пригнавшего къ колодцу овецъ, мы купили барана и я хотѣлъ-было воспользоваться случаемъ, чтобы разспросить старика объ Алашаньскомъ хребтѣ, но былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи получить отъ него какія-либо цѣнныя свѣдѣнія. Съ бѣлыми усами и эспаньолкой, съ сильной просѣдью въ волосахъ, онъ насчитывалъ себѣ уже 66 лѣтъ, но кромѣ своего ущелья подъ Уургин-шили онъ ничего не зналъ. Онъ не былъ даже въ Алаша-ямынѣ, резиденціи вана. Хребетъ онъ называлъ «Ихэ-ола» (Большія горы). Помнилъ набѣгъ дунганъ, прятался тогда въ горахъ, пока не прошли мятежники. «Все взяли у меня, даже чашку», жаловался старикъ. Теперь у него было 2 десятка барановъ и нѣсколько лошадей.

17-го все время идемъ среди горъ. Всюду — камень. Растительность скудная: кое-гдѣ по склонамъ взбѣгають рѣдкія кустики бударгоны, да по сухимъ русламъ ютится дѣрисунъ. Растенія развиваются очень слабо,—монголы жалуются на засуху. Незамѣтно снова вышли изъ бассейна Желтой рѣки, вступивъ въ сухое русло, теряющееся въ пескахъ къ NW отъ хребта. Остановились у колодца Чолу-онгоцо (Каменное корыто) среди обширной открытой лощины. Невдалекѣ видны юрты монголовъ. Живутъ бѣдно, скота мало, пастбища вытоптаны. На NNW, въ прорывѣ между горами, видно Хан-олу, а на сѣверѣ, за барханами синѣетъ ея продолженіе—Агуйн-ола. Обильно ловятся мухи и жуки, удалось добыть маленькую тонкую змѣйку.

Отъ Чолу-онгоцо дѣлаемъ двадцативерстный переходъ къ Бургустэн-голу, выходящему въ долину Желтой. Вблизи сѣдловины, изъ-за небольшого гребня на короткое время показываются аргали—повидимому, самка съ дѣтенышами. По словамъ проводника, аргали любятъ открытыя каменистыя мѣста и изъ-за недостатка корму иногда перекочевываютъ на большія разстоянія, напр., въ Баин-олу.

Во время перехода къ намъ присоединился новый проводникъ, назначенный уже на весь остальной путь. Это былъ тоже чиновникъ, старичекъ 55 лѣтъ, бывавшій въ Пекинѣ, Ургѣ, Ланьчжоу, Гумбумѣ. Остановились въ руслѣ около головы ключа.

Такъ какъ животныя совершенно отказывались итти, то мы рѣшили замѣнить ихъ всѣхъ новыми. Пришлось устроить дневку. Оба проводника отправились на поиски. Для большаго успѣха имъ было заявлено, что хозяева животныхъ получаютъ всю плату впередъ.

Мы приютились подъ большимъ скалистымъ островомъ, рѣзко выдѣляющимся на желтомъ фонѣ песчанаго русла своимъ металлическимъ блескомъ. Нѣсколько выше палатокъ въ руслѣ растетъ большое дупловатое дерево «бургусъ» (*Ulmus* sp.) и прилегающія къ руслу горы носятъ названіе Бургустэн-олы. Ключикъ едва сочится и вскорѣ пропадаетъ. Вода загрязняется скотомъ, приходящимъ на водопой. Козлята при этомъ рѣзвятся и взбѣгаютъ на крутя сосѣднія скалы.

На другой день мы пошли съ Санакоевымъ въ горы къ югу отъ стоянки, но Желтой рѣки не видали, такъ какъ горизонтъ на востокъ все время былъ закрытъ болѣе значительными высотами. Только въ пониженіи на ОНО синѣлъ большой массивъ, повидимому, уже въ Ордосѣ. На обратномъ пути при спускѣ по одному ущелью сзади насъ показались два куку-ямана. Мой спутникъ пошелъ за ними. Куку-яманы переходили ущелье и одинъ изъ нихъ выскочилъ шагахъ въ десяти отъ Санакоева, тѣмъ не менѣе охотникъ вернулся безъ дичи. Вечеромъ препаратору удалось убить самца. На брюхѣ животнаго была уже новая шерсть.

Къ ночи возвратился одинъ изъ проводниковъ съ тремя верблюдами и одной лошадей. Такимъ образомъ 20-го утромъ мы еще не могли выступить, и я пошелъ къ востоку съ цѣлью подняться на одну изъ господствующихъ здѣсь вершинъ. Подъемъ былъ не крутъ, но продолжителенъ. Наконецъ я достигъ гребня, обрывавшагося въ противоположную сторону отвѣсной стѣной, Съ него развернулась величественная панорама. Горы вскорѣ кончались. За ними разстилалась обширная равнина. На желтомъ фонѣ ея рѣзко выдѣлялась блестящая извилистая лента Желтой рѣки. По ту сторону равнины, на сѣверо-востокѣ, тянулись горы Ордоса—высокій хребетъ, надъ которымъ господствовала трапецевидная вершина. Въ ней нетрудно было узнать Оранъ-деши — «наковальню» Чингизъ-хана. Она невольно «приковывала» къ себѣ взоры, вызывая въ памяти событія сѣдой старины, тѣсно связанныя и съ нашей, столь далекой страной...

На обратномъ пути я едва спустился въ сосѣднее ущелье по

его крутому склону. Съ животными вопросъ оказался поконченнымъ. Мы наняли 8 прекрасныхъ верблюдовъ на 25 дней, съ платою по 5 ланъ (7 рублей) за животное и 2 лошади по 4 лана тоже довольно сытыхъ, съ подстриженными гривами и мелкимъ шагомъ. Было возможно въ этотъ же день продвинуться до колодца, лежавшаго всего въ 7 верстахъ. Въ 5 часовъ съ запада внезапно стала надвигаться грязно-желтая пылевая туча. Днемъ вѣтеръ дулъ сильными порывами, пронесившимися сначала надъ нашими головами, а позже и по землѣ, такъ что временами мы принуждены были вскакивать и хвататься за устои палатки. Въ ожиданіи еще болѣе сильнаго вѣтра мы поспѣшно стали вычистить животныхъ. Но бури не появилось; туча, очевидно, уже потеряла свою силу и со слабымъ вѣтромъ надвинулась на насъ сплошной стѣной, сразу сузившей видимый горизонтъ.

Мы ночевали около колодца Хошун-усу, въ устьѣ того же ущелья, на окраинѣ хребта. На свѣтъ свѣчи здѣсь прилетѣло множество насѣкомыхъ, особенно мелкихъ кусавшихся мошекъ.

21-го мая мы пришли къ переправѣ черезъ Желтую рѣку съ версту ниже сел. Ши-цзу-ице ¹⁾. На полпути мы пересѣкли большую дорогу, идущую изъ глубины Гань-су черезъ Нин-ся въ Дын-коу и далѣе въ Куку-хото. Недалеко отъ пересѣченія дорогъ стояли двѣ четырехстороннихъ пирамиды, въ трехъ четвертяхъ версты одна отъ другой. Онѣ были сложены изъ камня, имѣли метровъ 6 въ высотѣ и вдвое болѣе въ поперечникѣ. Каждая изъ пирамидъ была обнесена небольшою стѣнкой, сильно уже разрушившейся. По преданію, около пирамидъ похороненъ монгольскій князь.

Разливаясь на версту противъ селенія Ши-цзу-ице, ниже его Хуанъ-хэ сразу суживается, вступая въ каменные берега. Здѣсь образуется всегда воднующійся потокъ, особенно сильный по срединѣ. Мы остановились на берегу рѣки тамъ, гдѣ къ ней подходятъ выходы угленосной свиты. Ямы, заложенные для добычи угля, служили пріютомъ для зайцевъ. Къ этимъ ямамъ примыкали совершенно неогороженные посѣвы, посѣщаемые журавлями.

Селеніе, съ версту вытянутое вдоль рѣки, состоитъ изъ одной главной улицы и другой боковой. Главная начинается открытой сценой, около которой стоитъ кумирня. Далѣе по обѣимъ сторонамъ улицы идутъ лавки. Ши-цзу-ице довольно важный пунктъ

¹⁾ У монголовъ оно называется Цзэлэ.

по торговлѣ шерстью. Для скупки ея у монголовъ здѣсь живетъ нѣсколько довѣренныхъ отъ крупныхъ пекинскихъ фирмъ.

На рѣкѣ мы видѣли китайскихъ бурлаковъ. Поднималось нѣсколько шаландъ, саженъ по шести длиной и очень широкихъ. Благодаря попутному вѣтру на нихъ были подняты квадратныя паруса. Каждую шаланду тянули три человекъ и эти группы были одѣты въ однообразные костюмы. Китайцы были или въ однихъ штанахъ съ голымъ туловищемъ, или въ безрукавкахъ, оставаясь голыми ниже пояса. И здѣсь, очевидно, въ угоду красотѣ, соблюдалась симметрія.

Переправа была въ рукахъ монголовъ. Они заявили намъ, что должны починить лодку и могутъ перевезти насъ только на слѣдующій день.

22-го утромъ къ намъ на бивакъ пришелъ китаецъ. Наканунѣ видѣли его въ лавкѣ. Онъ былъ тогда безъ рубашки и обнаружилъ атлетическое сложеніе, почему и былъ принятъ за борца. Для визита онъ одѣлся и захватилъ даже зонтикъ. Гость оказался торговцемъ шерстью. Онъ сообщилъ намъ, что въ 300 ли на юго-востокъ есть соленое озеро Куку-норъ около 100 ли въ окружности.

Переправа началась только въ три часа дня. Плоскодонный баркасъ, состоящій изъ четырехъ отдѣленій, былъ снабженъ парой громоздкихъ бревенъ, служившихъ веслами. Монголы хотѣли перевезти насъ сразу, но когда ввели половину верблюдовъ то въ носу показалась течь. Пришлось переправляться въ два приѣма. Верблюды упирались при попыткѣ ввести ихъ въ судно и дрожали. Ихъ уложили плотно одинъ къ другому въ среднее отдѣленіе. Нагруженный баркасъ едва столкнули. Его быстро понесло внизъ, но перевозчики гребли умѣло, по двое на каждомъ веслѣ. Въ срединѣ рѣки были сильныя волны. Когда баркасъ присталъ къ берегу, то его подняли бичевой и вновь переѣхали. Въ общемъ на переправу ушло больше двухъ часовъ.

Съ версту ниже перевоза на правомъ берегу замѣтна каменная кладка. Въ этомъ мѣстѣ когда-то былъ деревянный мостъ черезъ рѣку.

Ночевали въ 9 верстахъ отъ Ши-цзу-ицзе вблизи кумирни Намбарасэнъ-хитъ, очень красиво расположенной посрединѣ склона крутой гряды. Крупныя постройки этой кумирни, называемой монголами обыкновенно болѣе сокращеннымъ именемъ Намбо-хитъ, рельефно выдѣляются своей бѣлизной на темномъ

фонъ отвѣсныхъ известковыхъ скалъ. Кумирня фасадомъ смотритъ на югъ, въ широкую долину. У подножія скалъ беретъ начало ключъ, который вскорѣ впадаетъ въ ручей, текущій по долинѣ. Судя по постройкамъ, кумирня нѣкогда процвѣтала—теперь же въ ней было только тридцать ламъ.

Проводникъ — алашанецъ дальше не зналъ дороги. Съ нимъ былъ монголъ родомъ изъ Ордоса, хотя и жившій въ Алашанскомъ хошунѣ. Мы отправили его впередъ къ мѣстному чиновнику за проводникомъ, а сами рѣшили сдѣлать на-угадъ двадцати-верстный переходъ къ колодезю Дурбун-усу, который лежалъ въ долинѣ между двумя хребтами, замѣченными еще съ лѣвой стороны Желтой рѣки. Дорогой попадались кусты мункукараганы и полынъ. Пришлось пересѣкать гряды, при чемъ мы попали на очень каменистую сѣдловину. Съ нея шель крутой спускъ, едва доступный для верблюдовъ.

Между хребтами Кантагери и Арбисо открылась обширная долина, зеленѣвшая свѣжимъ растительнымъ ковромъ. Здѣсь бросился въ глаза кустарничекъ, который ордосцы называли «Ботогын-холэ» («Верблюжье горло») (?*Cotyledon fimbriata*). У алашанцевъ нѣтъ этого растенія, наываемаго ими иначе—«тосунторлыкъ».

Показались харасульты и наша Лянга, несмотря на изнеможеніе отъ жары, стремительно понеслась за ними. Сначала дорогу указалъ встрѣчный китаецъ, потомъ мы замѣтили юрту, но монголы указали колодець очень неохотно, послѣ долгихъ пререканій. Оказалось, что мы ушли пѣ сторону версты на двѣ.

Здѣсь, въ Ордосѣ, намъ пришлось болѣе близко познакомиться съ эпизодомъ изъ той неравной борьбы, которую мѣстами еще ведутъ монголы противъ экономическаго порабоженія ихъ китайцами. Политика китайцевъ въ этой борьбѣ несложная, но твердая и откровенная. Отношенія обѣихъ націй просты и понятны. Китайцы постепенно захватываютъ лучшія мѣста, приспособляя ихъ къ культурѣ. Но ростъ китайскаго населенія идетъ быстрѣе, чѣмъ развитіе культуры, и китайцы мѣстами тѣснятъ монголовъ въ глубину пустыни, часто и сами поселяясь среди нея, даже на мѣстахъ, непригодныхъ для земледѣлія. Въ послѣднихъ селится скотоводъ или торговецъ. Тотъ и другой быстро приспособляется къ новымъ условіямъ жизни и опутываетъ простодушнаго монгола сложной сѣтью экономическихъ отношеній.

Ордосцы упорнѣ другихъ монголовъ отстаиваютъ свою независимость. Исторія борьбы ихъ болѣе всего связана съ долиной Желтой рѣки, всюду занятой уже китайцами. Монгольскіе князья при этомъ часто играли постыдную роль: они не только не отстаивали интересовъ своихъ подданныхъ, но позволяли подкупать себя, забезцѣнокъ продавая лучшія земли. Въ отстаиваніи своихъ исконныхъ правъ у монголовъ выработался оригинальный способъ скорѣе пассивной, чѣмъ активной борьбы.

Въ составъ Ордоса входитъ семь хошуновъ. Въ числѣ ихъ—Отокъ, занимающій полъ-территорію Ордоса. Хошуны равноправны, но одинъ изъ хошунныхъ князей является старшимъ, предсѣдательствуя на общихъ собраніяхъ.

Уже давно накопилась у ордосцевъ злоба противъ своихъ властей. Князья постепенно все увеличивали поборы, что разоряло ихъ подданныхъ. Пять лѣтъ тому назадъ одинъ монголъ изъ хошуна Ую-шинъ поднялъ возстаніе. Взбунтовались всѣ хошуны. Отокъ черезъ годъ послѣ начала волненій. Монголы рѣшили не признавать властей и не платить подати. Стали вооружаться, но это удавалось съ большимъ трудомъ: оружія вблизи не было и приходилось давать большія цѣны даже за ружья плохого качества.

На возстаніе обратили вниманіе китайскія власти. Для усмиренія его былъ высланъ отрядъ, зачинщикъ былъ пойманъ и казненъ въ Гуй-хуа-ченѣ, но волненіе не улеглось.

Мятежники—«догуи»¹⁾ стали собираться въ опредѣленныхъ пунктахъ, по 100, 200 и болѣе человекъ для рѣшенія общихъ дѣлъ. Къ запоздавшимъ на собранія или провинившимся въ чемъ-либо стали примѣнять строгія мѣры: пороли, иногда, будто бы, забивали на-смерть. При этомъ смѣялись надъ убитыми, говоря: «Что твоя душа стоитъ! всего по 6 цинъ (около 80 коп.) съ человека».

Власти стушевались, переставъ носить свои значки на шапкахъ. И сами монголы, въ знакъ круговой поруки, сняли свои традиціонныя шапки и стали повязывать головы платками. Озлобленіе ихъ было столь сильнымъ, что при встрѣчѣ они переставали говорить другъ другу обычныя привѣтствія. Чтобы, по-возможности, избѣжать личной отвѣтственности, они при-

¹⁾ Собственно—«догуйнэн», что значитъ кругъ, въ данномъ случаѣ,—кружокъ, общество.

мѣняли такую тактику: постоянно мѣняли свои стойбища, перекочевывая одинъ на мѣсто другого. Нѣкоторыхъ китайцевъ прогнали, стали зорко слѣдить за дорогами и появленіемъ новыхъ лицъ на своей территоріи. Небольшіе проходящіе караваны возвращали даже назадъ, не давая пропуска черезъ свои хошуны.

Въ такомъ положеніи мы застали ордосцевъ. Они ждали прибытія изъ Нин-ся китайскихъ властей, которыя должны были разобрать ихъ дѣла.

Вступивъ наканунѣ на территорію Ордоса, мы тотчасъ же замѣтили оригинальный головной уборъ на монголахъ. Даже нашъ чиновникъ счелъ нужнымъ снять свою шляпу и закутать голову платкомъ.

Лишь только мы теперь разбили палатки, какъ къ намъ явились два монгола и довольно грубо стали расспрашивать, кто мы и куда идемъ. Затѣмъ они сказали намъ, что мы должны вернуться обратно на ту сторону Желтой рѣки, что они обязаны сейчасъ же донести о нашемъ прибытіи догуямъ. Послѣ нашего отказа монголы ускакали, пригрозивъ, что завтра же соберутся въ числѣ двухсотъ вооруженныхъ человѣкъ, чтобы не пропустить насъ впередъ.

На другой день пріѣхало десять монголовъ. Они объявили, что догуи собрались въ горахъ на востокъ и въ полдень пришлютъ къ намъ двухъ лицъ, уполномоченныхъ для переговоровъ.

Насталъ и полдень, но никто не появлялся. Намъ надоѣло ждать. Взявъ съ собой запасъ воды, мы рѣшили пройти впередъ, на удачу. Монголы, очевидно, слѣдили за нами и какъ только мы стали выючить, пріѣхали. Они обѣщали намъ давать проводниковъ и барановъ только на томъ условіи, если мы не пойдемъ въ ихъ священныя горы. Послѣдними же оказались оба хребта, между которыми мы стояли. «Только у насъ и есть священныхъ горъ во всемъ Ордосѣ, говорили монголы во время споровъ по поводу маршрута: «и мы ихъ охраняемъ, никого туда не пропускаемъ. Когда кто-нибудь переворачиваетъ на нихъ камни, или убьетъ звѣря, то у насъ начинаются несчастія, болѣзни, на скотъ нападаютъ волки. Приходится собираться для молебновъ». — «Отчего же нельзя подняться въ горы, ничего не трогая? Вѣдь, сами вы ходите?»—«Никакъ нельзя, даже женщинъ туда не пропускаемъ».—«Что же вы будете дѣлать, если мы все-таки пойдемъ».—«Не будемъ допускать; у насъ есть молодежь, за дѣйствія которой нельзя поручиться».

Горы Ордоса до сихъ поръ еще не были изслѣдованы. Съ геологической стороны представлялось наиболѣе интереснымъ выяснитъ отношеніе между Кантагери и Арбисо, а также дать поперечный профиль въ какой-либо части хребта. Помимо этого казалось заманчивымъ посѣтитъ историческую вершину Орандеши, а также выяснитъ условія залеганія рудныхъ залежей Кантагери. Таковы были наши планы.

Однако религіозныя представленія монголовъ требовали извѣстной доли уваженія. Правда, здѣсь нельзя было провести границы между религіознымъ чувствомъ и боязнью выдать пришельцамъ свои естественныя богатства, но послѣднія для насъ не могли имѣть особой притягательной силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было совершенно отказаться отъ изслѣдованія горъ, разъ мы уже зашли въ нихъ. Что касается угрозъ ордосцевъ, то въ нихъ мы не видѣли серьезныхъ препятствій на пути къ нашимъ цѣлямъ. Мы помнили, что монголы давно уже утратили воинственный духъ времянь Чингиз-хана.

Хотя наступалъ уже вечеръ, но мы рѣшили немного пройти впередъ. Трое изъ монголъ быстро поймали по лошади изъ бродившаго стада и только четвертому это никакъ не удавалось, Тогда, въ наказаніе, его заставили сопровождать насъ пѣшимъ.

Передъ выступленіемъ дѣло чуть-было не осложнилось. Монгола, посланнаго нами наканунѣ къ чиновнику, ордосцы задержали, объясняя, что онъ изъ ихъ хошуна и они имѣютъ право во всякое время потребовать его къ себѣ. Его обвинили въ томъ, что онъ привелъ насъ сюда изъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Бѣдняга сильно трусилъ. Онъ нанялся только для присмотра за верблюдами, въ виду заработка, такъ какъ былъ человѣкомъ бѣднымъ.

Мы стали настаивать на возвращеніи нашего вожатаго. Тогда его привели, но очевидно, застращали. Онъ былъ блѣденъ и не зналъ, что ему слѣдуетъ предпринять. Сначала рѣшилъ было бѣжать изъ Ордоса, но потомъ передумалъ и сказалъ, что лучше ему самому остаться, чтобы послѣ не было еще хуже.

Пройдя версты три къ сѣверу, мы увидели четырехъ всадниковъ, стремительно подъѣзжавшихъ къ намъ съ лѣвой стороны. Среди нихъ оказался чиновникъ съ вишневымъ шарикомъ на шапкѣ. Догуи какъ-то незамѣтно исчезли. Вскорѣ

мы остановились среди равнины и повели переговоры. Чиновникъ былъ за рѣкой въ Дын-коу и случайно узналъ о нашемъ прїѣздѣ, проскакалъ сегодня будто бы 160 ли, безъ ѣды и питья. Еще въ пути мы дали ему чаю изъ фляжки, теперь же угощали болѣе достойнымъ образомъ. Онъ между тѣмъ объяснилъ, что не имѣетъ относительно насъ никакихъ инструкцій, прочитать наши бумаги не можетъ, но считаетъ себя обязаннымъ оказать намъ содѣйствіе въ переговорахъ съ догуями.

Мало-по-малу наша палатка наполнилась. Среди прибывшихъ были частью прежнія лица. На одномъ изъ нашихъ знакомцевъ вмѣсто платка оказалась шляпа со стекляннымъ шарикомъ (знакъ низшаго чина).

Послѣ долгихъ пререканій заключили такое условіе. Монголы должны были вывести насъ къ Желтой рѣкѣ и провести мимо западнаго склона хребта на перевалъ Хапчагайту и обратно вдоль восточной подошвы къ переправѣ у Шиузу-ицзе. Болѣе близкаго прохода черезъ хребетъ будто бы не было и хотя названный перевалъ былъ трудно доступнымъ, но Арбусын-ола, ихъ самая важная священная гора, тамъ уже оканчивалась, переходя въ горы Хапчагайту.

По нашему настоянію, чиновникъ вытребовалъ на бивакъ нашего вожатаго. Отсюда онъ уѣхалъ съ однимъ монголомъ, который долженъ былъ перевести его за рѣку.

25-го мая мы продолжаемъ путь на сѣверъ. Въ долинѣ падается много мухъ и кузнечиковъ. Идемъ мимо Оран-деши. Чиновникъ уѣхалъ. Ордосцы теперь отвѣчаютъ на наши вопросы, тогда какъ наканунѣ упорно молчали.

Они насчитываютъ до тринадцати наиболѣе почитаемыхъ горъ. Всѣ онѣ, по-возможности, охраняются. Для этого они на нѣсколько лѣтъ назначаютъ изъ своей среды особыхъ сторожей. На нѣкоторыхъ вершинахъ сибираются для молебствій раза по три въ годъ. Плоская верхушка Оран-деши, покрытая зеленымъ ковромъ, для нихъ является особенно цѣнной по воспоминанію о «Богдыханѣ», завоевателѣ. Послѣ того какъ на ней было построено обо (и другое около Гумбума), войны будто бы прекратились. Съ тѣхъ поръ гора и почитается священной. Дунгане разрушили обо, послѣ чего началось бездождіе, засухи, хотя обо и возобновили.

На стоянку пришли въ урочище Цаган-тохой, лежащее на краю долины Желтой рѣки. Здѣсь была роща, состоявшая изъ

тальника, который монголы называли «улан-бургусу»¹⁾. Отсюда до рѣки шель прекрасный кормный лугъ, шириною версты три. Въ роцѣ было много молодыхъ сорокопутовъ. За ними съ большимъ успѣхомъ гонялись сороки и роца постоянно оглашалась пронзительными криками потревоженныхъ птицъ. Сюда прилетали также дикіе голуби и фазаны. Въ небольшихъ луговыхъ озеринкахъ бѣгала мелкая рыба. Съ помощью простыни ее удалось наловить для коллекціи. Во время перерехода были пойманы двѣ змѣи. Въ желудкѣ одной изъ нихъ, толстой, достигавшей аршина длины, прощупывался какой-то комокъ.

Наступилъ тихій вечеръ съ очень слабой тягой воздуха. Въ травѣ трещали кузнечики и заставляли вспоминать другую рѣку— «многоводную» Каму съ ея еще болѣе привольными лугами.

Утромъ въ складкахъ одежды оказалось множество крупныхъ ночныхъ бабочекъ. Уѣхавшіе наканунѣ проводники не появлялись. Къ счастью, на нашъ бивакъ пріѣхалъ одинъ бывший чиновникъ, неперешедшій на сторону догуевъ. Онъ ѣхалъ въ кумирню Четэн-хитъ, лежавшую въ 16 верстахъ, досталъ намъ проводника до этой кумирни и обѣщалъ поискать тамъ проводника и на дальнѣйшій путь.

Вслѣдствіе жары переходъ былъ очень томительнымъ; Песокъ раскалился до 64° и прожигалъ даже двойныя подошвы сапогъ. Отъ новаго проводника удалось узнать, что по Четэн-голу, въ устьѣ котораго расположена кумирня, есть удобный проходъ черезъ горы. Догуи скрыли его отъ насъ.

Остановились въ 1¹/₂ в. выше кумирни, около ключа. Прежде онъ былъ болѣе обильнымъ и протекалъ дальше, до кумирни. Теперь монахи брали воду ниже ключа въ небольшой ямкѣ, въ 1¹/₂ в. отъ кумирни. Около ключа ютились кулички и турпаны, привыкшіе къ людямъ и подпускавшіе къ себѣ очень близко.

Четере года тому назадъ монастырь горѣлъ, до этого же онъ былъ болѣе богатымъ. Теперь въ немъ насчитывалось 20 ламъ. Двое изъ нихъ пришли къ намъ съ просьбой не стрѣлять и не трогать камней. Мы обѣщали. Одинъ лама остался для наблюденія и ушелъ только къ вечеру. Его товарищъ выдѣлялся своимъ комичнымъ костюмомъ. На немъ была красная шелковая без-

¹⁾ Горныя деревья, встрѣченныя нами по Бургустэн-голу, они в отличіе отъ долинныхъ называли «хо-бургусу».

рукавка и родъ юбки, собранной на поясѣ сборками поверхъ безрукавки и здѣсь перевязанной.

На этой стоянкѣ мы рѣшили съ П. Я Напалковымъ разойтись и вернуться въ Дын-юань-инъ разными дорогами. Путь товарища шель къ переправѣ у Дын-коу, оттуда лѣвымъ берегомъ рѣки къ Ши-цзу-ицзе и далѣе правымъ берегомъ въ Нин-ся. Мнѣ хотѣлось пройти по восточной сторонѣ Арбисо и, по переправѣ у Ши-узу-ицзе на лѣвый берегъ, по восточной окраинѣ хребта также въ Нин-ся. Такимъ образомъ наши пути должны были описать восьмерку. Что касается условія, заключеннаго съ ордосцами, то они первые нарушили его, оставивъ насъ безъ проводниковъ. Мы не могли узнать, почему догуи измѣнили свою тактику по отношенію къ намъ и совершенно исчезли.

Вечеромъ пришелъ нашъ утренній знакомый чиновникъ и привелъ молодого проводника на три перехода по моему маршруту. При этомъ была передана просьба ламъ не стрѣлять и не трогать камней на слѣдующемъ переходѣ священными горами, въ случаѣ же крайней необходимости брать камни только съ стороны русла.

Появились летучія мыши и легла пыль въ видѣ тумана. Около свѣчки вились мелкія мушки, погибавшія цѣлыми десятками.

Двадцать седьмого мая я пошелъ вверхъ по ущелью, въ обществѣ Мадаева и Санакоева. Моя лошадь замѣтно стала скучать по своемъ товарищѣ и дѣлала попытки къ побѣгу, тогда какъ раньше была настолько послушна, что ее можно была оставлять безъ привязи.

Вступивъ въ равнины Ордоса, мы стали встрѣчать сусликовъ. Препаратору удалось убить двухъ самокъ. Въ 6 верстахъ отъ кол. Дэрисутэн-худукъ встрѣтили кумиренку Чолумбай, всего съ семью ламами. Около нея стояло тщательно выложенное камнемъ обо, небольшой субурганъ и еще наибольшая постройка изъ камня, называемая у алашанцевъ «бунханъ». Это былъ родъ ящика въ формѣ куба, сторона котораго имѣла около метра. Съ восточной стороны въ немъ было окошечко, черезъ которое туда складывали поломанныхъ бурхановъ и истрепавшіяся книги.

Недоходя двухъ верстъ до кол. Уу-худукъ мы вышли на дорогу въ Бауту. Въ 20 ли къ западу отъ кумирни Долон-ширкэ она сходится съ болѣе сѣверной дорогой, идущей въ Бауту черезъ перевалъ Хапчагайту.

Изъ растений здѣсь часто встрѣчается кустарникъ съ жел-

тыми цвѣтами, называемый монголами «уртотъ» (Oxytropis), также дэрисунъ и бударгана. Вблизи кумирни Дэрисутэн-хитъ по обѣимъ сторонамъ сухого русла лежатъ небольшія развалины. По лѣвую сторону русла жилъ богатый монголъ, разоренный дунганями, съ правой стороны стоялъ большой «бунханъ». Въ кумирнѣ живетъ четыре-пять монаховъ, но изъ нея никто не показался, хотя мы ночевали поблизости. Только собаки лаяли не переставая. Изъ боязни догуевъ проводникъ не рѣшался вести насъ дальше. Собранія ихъ будто бы происходятъ какъ разъ около этой кумирни.

На другой день пришелъ новый проводникъ заявившій, что онъ можетъ провести только къ переправѣ у Хара-хото, минуя горы. Между тѣмъ мнѣ еще разъ хотѣлось пересѣчь южные отроги Арбисо. Такъ какъ вскорѣ должна была встрѣтиться большая дорога въ Бауту, то мы отклонили услуги ордосца и пошли съ однимъ алашанскимъ проводникомъ. Черезъ часъ вышли на эту дорогу и вскорѣ вступили въ скалистые гряды южныхъ отроговъ Арбисо. Съ правой стороны здѣсь видны болѣе значительныя скалистыя высоты, идущія къ кумирнѣ Намбарасэнъ. Среди нихъ выдается большая куполовидная гора. Около нея стоитъ кумирня Раши-джунъ, незамѣтная съ нашей дороги.

У колодца Гун-усу провели цѣлый день ради сбора фауны, найденной въ угленосной свитѣ. Вблизи китаецъ пасъ барановъ, ночуя подъ навѣсами пластовъ. Прискакалъ монголъ, повязанный платкомъ, и быстро исчезъ. Прошли китайцы, занимавшіеся оригинальнымъ промысломъ. Они собирали въ мѣшки клочки бараньей шерсти, висѣвшій кое-гдѣ на колючкахъ кустарниковъ. Насколько неприхотливъ китаецъ, если можетъ довольствоваться заработкомъ отъ этого сбора шерсти!

Къ колодцу прилеталъ черношейный журавль, хотя мы стояли всего саженьхъ въ двадцати. Въ щеляхъ сланцевъ скрывалось много кузнечиковъ и сколопендръ.

Перваго іюня, уже послѣ полудня, мы пошли къ переправѣ, до которой оставалось четырнадцать верстъ. Мадаевъ ушелъ раньше, чтобы приготовить баркасъ. Благодаря этому черезъ часъ по приходѣ мы были уже на лѣвомъ берегу. Несмотря на тихую погоду, посрединѣ рѣки играли большія волны.

2-ое іюня было днемъ нѣсколько мелкихъ непріятностей. Ночевавъ на самомъ берегу рѣки, мы къ утру были засыпаны мельчайшей пылью. Выступили подъ дождемъ и только что остановились на

ѣкоторое время въ селеніи Шо-му-инъ, какъ онъ совѣмъ прошелъ. Насъ окружили китайцы.

Нѣкоторые изъ нихъ пришли съ мѣшками шерсти, очевидно, не желая терять время на разсматриваніе небывалыхъ посѣтителей. Подростки здѣсь пасутъ скотъ, главнымъ образомъ барановъ. Указали одного, который за 10 мѣсяцевъ своей работы получаетъ 3000 чоховъ. Подумаешь, цѣлое состояніе, а на самомъ дѣлѣ около четырехъ рублей, и все-таки китаецъ ухитряется существовать на этотъ заработокъ.

Широкая прирѣчная полоса частью покрыта травой, частью отведена подъ посѣвы, преимущественно пшеницы и риса. Такъ какъ скотъ ходитъ подъ постояннымъ наблюденіемъ, то огражденій не дѣлается. Вдоль полосы, занятой для культуры, тянутся фанзы, какъ въ глубинѣ ея, такъ и ближайшей окраинѣ. Между отдѣльными хозяйствами есть обыкновенно промежутки, мѣстами же видны болѣе скученныя селенія.

Встрѣчается много развалинъ, особенно около полуразрушенной стѣны, а также около Ши-цзу-ицзе. До дунганскаго мятежа это селеніе занимало большую площадь. Теперь развалины служатъ только нѣкоторой защитой отъ дождя пастухамъ съ ихъ стадами.

Просушивъ багажъ, мы прошли еще девять верстъ. Дорогой попадалось много дзереновъ и зайцевъ, видѣли лисицу. Вечеромъ надъ южной частью хребта прошла туча съ молніей и громомъ. За ней по вершинамъ размелось громадное зарево заката. Оставшіеся отъ тучи клочья зловѣще оттѣняли его.

Ночевавъ около селенія съ пирамидальными ветлами, мы утромъ вновь служили предметомъ наблюденія для мѣстныхъ китайцевъ. Не только дѣти и старики, но даже взрослые часами могли просиживать въблизи нашей палатки, внимательно разсматривая всѣ принадлежности нашего обихода. Мальчики лѣтъ до десяти ходили голыми.

Въ семи верстахъ отъ селенія у подножія скалъ вытекаетъ ключъ и устроенъ водоемъ. Дорожа водой, китайцы окапываютъ ключи и ограждаютъ ихъ камнями въ опредѣленномъ направленіи, чтобы они не растекались по равнинѣ. Во время перехода мѣражъ рисовалъ большое озеро съ кустами по берегамъ.

Въ поискахъ проводника по ломкамъ каменнаго угля намъ пришлось зайти въ селеніе Цаган-тохой, среди могилъ котораго мы и ночевали. Здѣсь нашъ бивакъ, кромѣ обычныхъ зрителей,

стважились посѣтить три китайки, притащившіяся съ помощью палокъ. Мѣстныя власти, приглашенныя нами на совѣщаніе, состояли изъ трехъ лицъ: молодой китаецъ съ зонтикомъ былъ писцомъ; другой, неопредѣленнаго возраста, явный поклонникъ опіума, завѣдывалъ добычей угля, третій, толстый старичекъ, выступалъ въ качествѣ старосты.

У селенія замѣтили остатки стѣны. Она поднималась когда-то на сосѣднія скалы, и теперь на нихъ остались только развалины двухъ башенъ. Въ четырехъ верстахъ къ западу у подножія хребта виденъ монастырь Цаган-Утай.

4-го іюня мы перешли къ ломкамъ каменнаго угля въ глубинѣ ущелья Цаган-тохойн-голь въ 16 верстахъ отъ селенія. Навстрѣчу попадались громоздкія двухколесныя арбы съ корзинами, нагруженными углемъ. Деревянныя колеса, въ ростъ человѣка, иногда были обшиты массивнымъ зубчатымъ желѣзнымъ ободомъ. Запряжки отличались оригинальностью; наприкладъ, въ одну арбу было впряжено четыре животныхъ: впереди двѣ лошади и волъ посрединѣ ихъ, и еще волъ сзади этой тройки. Уже порожними такія колымаги двигаются очень медленно, съ грузомъ же постоянно останавливаются и возчики выбиваются изъ силъ, погоняя животныхъ длинными кнутами и непрерывнымъ визгливымъ крикомъ.

По просьбѣ проводника намъ пришлось дневать около ломокъ. Монголь жилъ всего въ 40 ли отсюда и тотчасъ же поѣхалъ къ себѣ, чтобы смѣнить двухъ верблюдовъ и взять погонщика. Мы остановились въ устьѣ бокового русла Чабагатэн-голь. Благодаря недавнему дождю протекавшій здѣсь ключъ разливался по плоскому дну аршина на два. Въ немъ плавало много мелкихъ рыбокъ, по песку бѣгали зуйки—галстушники.

По ущелью гнѣздились каменные куропатки. Выводки ихъ уже летали. Подъ камнями ютились мокрицы, поймали также медвѣдку.

Уже годъ около китайцевъ-углекоповъ жила молодая монгольская чета. Ее принудила къ этому крайняя бѣдность: у монголовъ было только два барана и нѣсколько козъ. Мужчина пасъ скотъ китайцевъ и ходилъ на охоту, женщина помогала рабочимъ добывать уголь. Монголь сообщилъ намъ, что ломки вблизи устья Чабагатэн-гола лежатъ теперь на китайской землѣ, но раньше она принадлежала монголамъ. Еще при нынѣшнемъ ванѣ, когда онъ былъ молодымъ, китайцы уже добывали здѣсь

уголь, покупая право на разработку. Позже они перестали производить уплату и присвоили землю. Власти, наѣхавшія для разбора дѣла, рѣшили его въ пользу китайцевъ и хлопоты вана въ Пекинѣ были безуспѣшными.

Теперь граница между китайской и монгольской территоріей проходила въ верстѣ выше нашей стоянки. На землѣ алашанцевъ также есть ломки каменнаго угля. Онѣ принадлежатъ тремъ китайцамъ въ Пин-ло (Хара-хото), которые платятъ вану 80 ланъ въ годъ за право разработки угля. Ломки у Чабагатэн-гола въ рукахъ одного китайца. Углекопы получаютъ отъ 10 до 20 ланъ въ годъ, при чемъ сѣстные припасы поставляются хозяиномъ въ счетъ этой суммы. Работаютъ партіями и каждая артель по расчетѣ съ хозяиномъ дѣлитъ заработокъ между своими членами. Углекопы ходили въ короткихъ штанахъ и безрукавкахъ и были совершенно черными — бѣлѣли только зубы, да бѣлки глазъ. Ко мнѣ они относились дружелюбно, обращая особенное вниманіе на мои сапоги. Несмотря на то, что крѣпленія выработокъ не производится, несчастные случаи происходятъ сравнительно рѣдко: одинъ разъ въ десятилѣтіе.

Уголь продается на мѣстѣ. За корзину, вмѣстимостью приблизительно въ одинъ куб. аршинъ, возчикъ платитъ 428 чоховъ (около 60 коп.). Изъ этой суммы 400 ч. идетъ хозяину ломокъ, 20 — дорожному мастеру и 8 — въ кумиренку, находящуюся верстахъ въ двухъ ниже Чабагатэн-гола. На арбу помѣщается только одна корзина. Возятъ уголь и въ мѣшкахъ на осликахъ, но ниже кумирни обыкновенно пересыпаютъ его на арбы, такъ что здѣсь образовался складочный пунктъ. Ниже его, въ особенно узкомъ мѣстѣ ущелья, виденъ остатокъ стѣны.

Проводникъ возвратился только шестого въ полдень. Мы съ Санакоевымъ поѣхали впередъ, чтобы осмотрѣть ущелье. Въ четыре часа внезапно налетѣла съ юга пылевая буря. Навстрѣчу намъ вверхъ по ущелью сплошной массой гнало пыль и песокъ. Даже въ равнинѣ при сильныхъ порывахъ на лицѣ ощущались удары песчинокъ. Горизонтъ сузился до 100—150 сажень, дальше только выступали неясные контуры ближайшихъ холмовъ. Движеніе по дорогѣ остановилось. Подъ такимъ своеобразнымъ дождемъ пришлось ѣхать полтора часа, пока буря не стала стихать. Отъ сел. Цаган-тохой мы повернули къ кумирнѣ Цаган-Утай и рѣшили тамъ ночевать. Влѣво отъ насъ осталась громадная постройка, въ формѣ квадрата съ высокими зубчатыми стѣ-

нами,—помѣщеніе для войска, выстроенное лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Мы разбили палатки надъ обрывомъ щебневой террасы, впереди кумирни.

У буддистовъ Цаган-Утай пользовался раньше большимъ почетомъ, напоминая имъ извѣстный У-тай въ провинціи Шань-си. Однако китайцы сумѣли присвоить монастырь и въ ихъ рукахъ онъ пришелъ въ упадокъ, полъ живъ вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный смѣшанный характеръ.

Постройки занимаютъ прямоугольную площадь. На передней короткой сторонѣ ея, обращенной къ югу, выстроена кумирня, первый этажъ которой представляетъ арку. Во второмъ этажѣ находится комната, обнесенная балкономъ. Въ ней на ряду съ буддійскими бурханами стоятъ и китайскіе идолы. Калитка, пристроенная къ кумирнѣ, вводитъ во дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ стѣною. Къ заднимъ угламъ кумирни примыкаютъ высокіе раскрашенные навѣсы. Подъ навѣсомъ лѣвой стороны помѣщенъ большой барабанъ, на правой—колоколь.

Въ центральномъ зданіи двора противъ входа находится сидячая статуя Маньчжушири, высотой въ метръ. Это — главное божество кумирни, какъ и въ главномъ У-гаѣ. За простѣнкомъ—стоячая статуя того же Маньчжушири. Вдоль боковыхъ стѣнъ стоятъ уже китайскіе идолы, — трехметровые исполины, изображающіе народныхъ богатырей, закованныхъ въ латы, съ копьями или мечами.

За центральной кумирней построены пятиэтажный субурганъ (башня), выкрашенный въ блѣдно-желтый цвѣтъ. Въ каждомъ этажѣ его поставлено по статуѣ Маньчжушири. Въ глубинѣ двора — кумирня съ тремя трехметровыми бурханами, представляющими въ разныхъ видахъ стоячую фигуру Майдари.

На боковыхъ сторонахъ двора построено только по одной кумирнѣ, — остальное пространство занято конюшнями и помѣщеніями для приѣзжихъ. Въ кумирнѣ съ лѣвой стороны отъ входа во дворъ помѣщается пять бурхановъ, изображающихъ свирѣпыхъ докшитовъ. Одно изъ нихъ назвали Эрлык-Намунханомъ. Докшиты обильно увѣшены черепами убитыхъ ими людей; одинъ давитъ лошадью челоуѣка, у другого подъ брюхомъ лошади виситъ голова волосами внизъ. Въ кумирнѣ противоположной стороны двора—статуи благословляющаго Будды въ разныхъ положеніяхъ съ одиннадцатиглавымъ Арья-баломъ въ центрѣ группы.

Бурханы сдѣланы изъ глины, но очень тщательно позолочены, украшены поддѣльными камнями, атрибуты ихъ отдѣланы тоже хорошо. Разставлены они симметрично, почти каждый въ отдѣльной нишѣ. На кумирняхъ и во всѣхъ этажахъ субургана висятъ колокольцы, раскачивающіеся и издающіе звонъ даже при небольшомъ вѣтрѣ.

Въ монастырѣ живутъ четыре китайца; изъ нихъ двое старшихъ—ламы. Есть еще мальчикъ лѣтъ семи, взятый для обученія грамотѣ. Одинъ изъ ламъ непрерывно курилъ и былъ апатичнымъ. Другой лама провелъ насъ по кумирнямъ. Онъ же вѣдалъ тайнами ворожбы. Предсказаніе судьбы совершалось передъ лицомъ Маньчжушири. Здѣсь стояла урна съ деревянными исписанными палочками. Гадающій долженъ былъ трясти урну, пока изъ нея не выпадетъ палочка. Тогда лама бралъ книгу, открывалъ ее на указанномъ мѣстѣ и давалъ предсказаніе. За это ему полагалось вознагражденіе.

Обыкновенно монастырь пустуетъ и при насъ не было ни одного паломника. Три раза въ годъ въ него стекаются монголы, привлекая этимъ отчасти и китайцевъ. Самостоятельно же послѣдніе собираются дважды, но неохотно, безъ энтузіазма, и лама жаловался на упадокъ вѣры среди своихъ соотечественниковъ. Но кажется и самъ онъ не очень-то вѣрилъ въ своихъ боговъ. Въ описанныхъ построекъ, за оврагомъ, находилась небольшая кумирня исключительно съ китайскими божками. Это были небольшія глиняныя статуи очень грубой работы, по содержанію, довольно разнообразныя. Одна, напримѣръ, изображала человѣка, держащаго другого внизъ головой, и еще двухъ—зрителей. Въ стѣнѣ кумирни были сдѣланы выступы, по которымъ и были размѣщены эти многочисленныя божки. Среди нихъ не было, кажется, ни одного цѣлаго и для ламъ они не имѣли никакого значенія: по крайней мѣрѣ, они охотно уступили бы намъ любую статуэтку, если бы мы захотѣли ее взять. Кумирня даже и не запиралась.

Въ рукахъ китайцевъ монастырь имѣетъ крайне грязный и запущенный видъ. Конюшни и комнаты для пріѣзжихъ не вычищены. Курицы, гуси и собаки ходятъ всюду безпрепятственно и служатъ только живой мишенью для камней, пускаемыхъ монастырскимъ питомцемъ.

Въ оврагѣ у монастыря выходятъ два родника, выложенные камнемъ: вода образуетъ два небольшихъ водоема и дальше не

течетъ. Роща тѣнистыхъ вязовъ тянется по оврагу. Среди нея выдѣляются двѣ площадки, обнесенныя низкой стѣной. На нихъ видны группы маленькихъ субургановъ.

Стѣна, взбѣгавшая на хребетъ у сел. Цаган-тохой, проходить по окраинѣ хребта недалеко отъ монастыря. Отъ нея уцѣлѣли кое-гдѣ башни. Дунгане разрушили въ монастырѣ нѣкоторыя постройки, но бурханы и субурганъ сохранились. Пробовали поджигать, кумирни будто бы не загорѣлись. Послѣ ихъ разгрома монастырь былъ нѣсколько подновленъ.

На слѣдующій день мы идемъ у подножія хребта на SSW, встрѣчая то отдѣльныя фанзы, то селенія. На этомъ восемнадцативерстномъ пути есть также двѣ крѣпости для помѣщенія войска. Изъ дикорастущихъ кустарниковъ чаще другихъ попался дэрисунъ и хармыкъ, среди посѣвовъ было много маку, главнымъ образомъ съ бѣлыми и красными цвѣтами, рѣже съ темно-фіолетовыми. Весь день небо было покрыто сплошными облаками и изрѣдка падали дождевыя капли.

Хотя мы ночевали въ полверстѣ отъ сел. Чун-ху-пу, китайцы насъ посѣщали все время, обыкновенно цѣлыми группами. 8-го іюня передъ отходомъ пришелъ одинъ китаецъ съ просьбой указать ему мѣсто для постройки фанзы. Оказалось, что по хлопотамъ какого-то иностранца китайскими властями была отпущена значительная сумма денегъ для проведенія изъ Нин-ся новой канавы и китайцу хотѣлось занять лучшее мѣсто.

Въ этотъ день мы мало-по-малу отходимъ отъ хребта. Въ началѣ пути, верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны, видны большія развалины—крѣпостныя сооруженія, разрушенныя дунганями. Около нихъ замѣтны остатки кумирни. Часто встрѣчался хармыкъ, затягивавшій песчаные бугры, ярко-зеленые пучки травы, называемой монголами «цакылдыкъ» (*Iris* sp.), а мѣстами и деревья. Культурныя растенія, преимущественно ячмень и пшеница, имѣли хорошій видъ: стебли сидѣли густо, колосья были крупными. Навозъ около дороги привлекалъ несмѣтное количество жуковъ (*Carabus*): болѣе мелкіе суетились цѣлыми сотнями на одномъ квадратномъ футѣ, большіе жуки копали норы и, дѣлая запасы, дрались другъ съ другомъ изъ-за навозныхъ шариковъ.

День былъ удушливымъ и облачнымъ. Съ юга тянулъ вѣтерокъ. Южная часть хребта, какъ и оставшійся сзади монастырь, скоро исчезли въ густой пыли. Вечеромъ съ мѣста ночевки у селенія Нань-лянъ противоположащая часть хребта сливалась съ

облаками, нависшими надъ вершинами горъ. На югѣ хребетъ совсѣмъ затянуло темно-синими тучами и только на сѣверѣ контуры его обрисовывались довольно далеко. Къ намъ упало однако всего нѣсколько капель, зато крупные красновато-желтые жуки, привлеченные пламенемъ свѣчки, дождемъ летѣли въ палатку, ударяли въ лицо, падали на тетради и въ концѣ концовъ принудили погасить огонь.

Теперь мы пошли въ ~~Ци-ся~~ Ци-ся, главный городъ сѣверо-восточной Гань-су. До него оставалось 27 верстъ. Сначала дорога шла среди луговъ, дальше — среди сплошныхъ посѣвовъ. Она вилась между размѣренными участками, орошаемыми сложной сѣтью канавъ. Многіе участки были совсѣмъ залиты водой и ихъ приходилось обходить. Нанявъ въ проводники мѣстнаго китайца, мы едва перешли черезъ одну канаву, такъ какъ мостъ оказался сломаннымъ. Въ лѣвой сторонѣ отъ насъ видна была большая башня (субурганъ) и кумирня, горѣвшая уже третій день.

На поляхъ производились различныя работы. Макъ частью уже отцвѣлъ и китайцы собирали сокъ, надрѣзывая массивныя коробочки. Цвѣтущій макъ поражалъ крупными размѣрами своихъ вѣнчиковъ. Посѣвы мака всегда занимали отдѣльные участки, еще издали выдѣлявшіеся своей пестротой. Среди рисовыхъ плантацій китайцы бродили по колѣно въ водѣ, выдергивая какую-то траву. Здѣсь размалывали наземъ съ помощью каменнаго вала, приводимаго въ круговое движеніе двумя осликами, — тамъ пахали на волахъ. Встрѣчались значительныя площади, залитыя водой и поросшія камышемъ. На нихъ кипѣла своя жизнь: носились чайки, цапли, утки, стонала выпь, раздавались мелодичные голоса пѣвчихъ птичекъ.

Вспомнивъ окрестности Хара-хото въ низовьи Эцзин-гола, я только теперь ясно представилъ себѣ условія существованія заброшеннаго города: и тамъ можно видѣть слѣды такой же системы орошенія, размѣренныя площади, остатки бывшихъ на нихъ построекъ. Вся жизнь была тѣсно связана со сложной сѣтью канавъ и неминуемо должна была замереть, какъ только была нарушена главная водная артерія края.

Подѣхавъ къ сѣверо-западному углу городской стѣны, мы должны были итти еще чуть не съ версту до воротъ, расположенныхъ въ срединѣ западной стѣны. Здѣсь стража остановила насъ и опросила. Мы хотѣли остановиться въ той же гостиницѣ, гдѣ жилъ довѣренный русской торговой фирмы И. Н. Си-

мухинъ, любезно приглашавшій насъ къ себѣ еще при нашемъ знакомствѣ въ Дын-юань-инѣ.

Отъ западныхъ воротъ къ восточнымъ идетъ главная улица въ городъ. По сторонамъ ея, тѣсно примыкая одно къ другому, тянутся исключительно торговыя помѣщенія. Не будучи широкой сама-по-себѣ, улица была загромождена толпой и продавцами, разложившими свои товары на переносныхъ столикахъ или прямо на землѣ. Всякій продающійся предметъ громко выкрикивался. Въ воздухѣ носился сильный шумъ и гамъ, такъ что наши верблюды быстро пришли въ нервное возбужденіе, и мы съ большимъ трудомъ пробирались сквозь толпу, обращая на себя общее вниманіе.

За зданіемъ главнаго управленія черезъ улицу перекинута высокая арка. Проходъ подъ ней особенно тѣсенъ: въ немъ толпятся разнозчики фруктовъ и овощей, а также торговцы горячей пищей. Долго мы протискивались по этому живому лабиринту, пока случайно не встрѣтили нашего соотечественника. Пришлось свернуть въ боковую улицу и вскорѣ мы нашли пристанище какъ для себя, такъ и для животныхъ.

Помѣщенія гостиницы были заняты главнымъ образомъ торговцами оптомъ. У нихъ было очень много свободнаго времени: покупатели появлялись рѣдко, а интересы торговли требовали постоянного присутствія продавцовъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи въ гостиницѣ стоялъ непрерывный гамъ: китаецъ очень шумливъ, говоритъ громко, поетъ визгливо. Одинъ изъ постояльцевъ устроилъ барабанъ съ ручкой, привязалъ къ нему колотушку и цѣлыми часами развлекалъ себя этимъ инструментомъ. Квартиранты постоянно ходили одинъ къ другому, вмѣстѣ ѣли и при этомъ старались напоить другъ друга. Куреніе также процвѣтало во всѣхъ видахъ: трубка смѣнялась кальяномъ, отъ табаку переходили къ опиуму. Часто можно было видѣть игру въ шахматы. Это были шашки съ нарисованными или вырѣзанными фигурами, но ходили ими своеобразно.

10-ое іюня мы провели въ Нин-ся. Цѣлый день съ небольшими промежутками шелъ легкій дождь. Улицы однако были очень оживлены. Въ лавкахъ, торгующихъ какимъ-либо ходовымъ предметомъ, приготовленіе послѣдняго нерѣдко идетъ на глазахъ у всѣхъ проходящихъ. Вотъ намазываютъ какимъ-то составомъ бумагу и свертываютъ ее въ трубочки: онѣ замѣняютъ спички во время куренія, обладаютъ свойствомъ долго тлѣть и

вспыхиваютъ, когда курящій искусно дунетъ въ тлѣющій конецъ. Здѣсь продаются круглые хлѣбы-лепешки и тутъ же за прилавкомъ китаецъ мѣситъ тѣсто и печетъ его. Тамъ дѣлаютъ громадные тяжелые гробы. Рядомъ—кузница: приходится итти мимо наковальни, на которой куютъ раскаленное желѣзо. Разнозчики снуютъ среди толпы, предлагая загородные продукты: бобы, горохъ, крупную редиску, персики. Они сложены въ корзины, подвѣшенныя къ длиннымъ прямымъ коромысламъ. Особые торговцы готовятъ иногда очень сложные винигреты, пользуясь для этого небольшими передвижными кухнями, отапливаемыми каменнымъ углемъ. Мѣстами толпа собирается вокругъ фокусниковъ. Противъ одного изъ магазиновъ стоитъ нищій и подъ удары колоушки выкрикиваетъ похвальное слово владѣльцу. Вдругъ улицу пересѣкаетъ пестрая похоронная процессія идущая съ такимъ шумомъ, что еще издали привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе.

Мы ходимъ въ сопровожденіи толпы зѣвакъ, которые безъ стѣсненія заходятъ вмѣстѣ съ нами въ магазины. Въ послѣднихъ между прочимъ продается много издѣлій изъ нефрита, но съ незнакомыхъ покупателей китайцы запрашиваютъ особенно высокія цѣны. Въ одной лавкѣ показали кусокъ кварцу, покрытый небольшими кристаллами горнаго хрустала. Онъ продавался за 30 ланъ. Были также дорогія картины. Одна изъ нихъ нарисована будто бы 400 лѣтъ тому назадъ и оцѣнивалась въ 100 ланъ. Это былъ длинный узкій свитокъ; на немъ въ краскахъ было изображено нѣсколько десятковъ лошадей въ самыхъ различныхъ положеніяхъ, но пропорціи между отдѣльными частями тѣла не были выдержаны.

Женщины проходятъ по улицѣ сравнительно рѣдко, чаще ихъ можно видѣть въ воротахъ домовъ. Иногда китаянка поспѣшно, насколько ей позволяютъ уродованныя ноги, несетъ бумажку. На послѣдней видно одну, двѣ черныхъ помазки, величиной съ трехкопѣечную монету. Это — опиумъ, котораго хватитъ только на нѣсколько затяжекъ ¹⁾).

11 іюня мы пошли въ Дын-юань-инъ по кратчайшему, почти прямому пути. Переваль на немъ едва доступенъ для верблюдовъ— и только благодаря тому, что китайцы изъ своихъ цѣлей нѣсколько заботятся о поддержаніи дороги.

¹⁾ Вынутый изъ мака сокъ держатъ на солнцѣ, при чемъ онъ густѣетъ и постепенно принимаетъ черный цвѣтъ.

Въ верстѣ отъ западной стѣны Нин-ся проходить главный арыкъ, шириною метровъ въ десять. До русла Желтой рѣки отсюда около 15 верстѣ и на этомъ пути проведено еще нѣсколько параллельныхъ канавъ. Такимъ образомъ благодаря своему исключительному земледѣльческому трудолюбію китайцы захватываютъ искусственнымъ орошеніемъ громадную площадь, примыкающую къ живому руслу рѣки.

И на западъ оазисъ тянется еще верстѣ на десять. Много участковъ здѣсь также было залито водой. На полъ-пути проѣхали военный городокъ Шен-ченъ (Шуни-хото). Занятая имъ площадь достигаетъ одной квадратной версты и обнесена высокой стѣной съ башнями. Внутри нея однако много пустырей и самыя фанзы построены съ большими промежутками. Солдаты не бросаются въ глаза и населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ торговцевъ.

Къ оазису примыкаетъ голая пустынная равнина, упирающаяся въ скалистую часть хребта. На ней попадаются развалины. Болѣе древнія изъ нихъ подробно описаны В. А. Обручевымъ подъ именемъ Пи-са-ченъ ¹⁾. Другія поселенія частью разрушены во время дунганскаго мятежа. Мы ночевали въ селеніи Чжин-бей-пу (по Обручеву, Чин-ди-пу), гдѣ есть постоянный дворъ. Здѣсь также отъ многогихъ построекъ уцѣлѣли только одни основанія или остатки стѣнъ. Видны двѣ полуразрушенныя кумирни и одиноко стоитъ небольшой разваливающийся субурганъ. Внутри высокой стѣны, охватывающей значительную площадь, помѣщается школа. Въ ней обучается тридцать мальчиковъ. Учитель живетъ тутъ же и держитъ нѣсколько десятковъ верблюдовъ, которыхъ какъ разъ гнали съ пастбища, когда мы подходили къ селенію.

На другой день мы достигли хребта, поднимающагося здѣсь надъ равниной крутыми высокими скалами. Узкія и глубскія ущелья прихотливо разсѣкаютъ его. Отъ ихъ устьевъ въ равнину выдаются большіе конусы изъ грубообломочнаго матеріала. На этихъ выбросахъ ютятся небольшія селенія съ рощами вокругъ нихъ. Мы вошли въ ущелье Ку-мы-цзе. Съ южной стороны въ сосѣднемъ устьѣ выдавались двѣ большихъ башни монастыря Цаган-субурганъ.

Ночевавъ двухъ верстахъ выше устья Ку-мы-цзе, мы два

¹⁾ Центр. Азія, Сѣв. Китай и Нань-Шань. Т. I, стр. 313.

слѣдующихъ дня поднимались къ перевалу Шара-кутуль (Да-лин-коу), проходя всего версть по семи въ день. Глыби, загромождавшія ущелье, мѣшали движенію верблюдовъ. Отъ крутизны подъема ноги ихъ дрожали. Приходилось вести ихъ очень медленно и часто останавливаться. Изъ Ку-мы-цзе дорога сворачиваетъ въ боковое ущелье Шанг-шуй, гдѣ есть постоянный дворъ. Выше него съ правой стороны ущелья на плитахъ известняка высѣчены большія изображенія, частью замаскированныя кустами и деревьями, растущими изъ трещинъ въ известнякѣ. Такъ какъ пласты здѣсь падаютъ очень круто, то работа въ этихъ условіяхъ представляла большой трудъ. Три болѣе крупныхъ барельефа достигали восьми метровъ въ поперечникѣ. Въ двухъ изъ нихъ, сохранившихся довольно хорошо, можно было узнать Будду. Четвертая фигура, имѣвшая отъ двухъ до трехъ метровъ въ поперечникѣ, изображала докшита.

Высота перевала достигаетъ 2540 метровъ. Съ сѣвера надъ нимъ поднимаются метровъ на 300 и болѣе пики разноцвѣтныхъ породъ, на югѣ видны лѣсистыя вершины, полого падающія къ перевалу и обрывами въ противоположную сторону. Съ запада хребетъ переходитъ въ разрушенное предгорье съ болѣе мягкими пологими контурами. Надъ Алашаньской равниной висѣла густая пелена пыли, придавая ей молочный цвѣтъ. Только на пьедесталѣ хребта темнѣли обрывы сбѣгающихъ отъ ущелій овраговъ.

15 юня мы вернулись въ Дын-юань-инь, до котораго съ мѣста ночевки подъ переваломъ оставалось восемнадцать версть.

Разъѣздъ въ Алашаньскій хребетъ между прочимъ выяснилъ, что Хара-хото на Желтой рѣкѣ есть монгольское названіе городка Пин-ло (Пин-ло-ся), а не селенія Ши-цзу-ицзе, которое называется монголами Цзэлэ.

Зубчатой стѣной, украшенной лѣсами и ковромъ альпійскихъ луговъ, выступаетъ Алашаньскій хребетъ, отдѣляя выжженные равнины Ордоса отъ еще болѣе бесплодной Алашаньской пустыни. Природа дала возможность человѣку въ знойное время года воспользоваться прохладой дикихъ ущелій. Сѣверо-западный вѣтеръ, перевѣвая необозримыя площади алашаньскихъ песковъ приноситъ на обращенный къ пустынѣ склонъ хребта плодородную лессовую пыль. Гребень хребта, достигая трехверстной высоты, еще способенъ сгущать остатки водяныхъ паровъ, прорывающихся черезъ восточный Куэнь-лунь въ южную окраину Гоби. Какъ бы для большаго контраста природа придвинула

голые пески почти къ самому Дын-юань-ину, хотя и небольшому но все-таки цвѣтущему оазису. Однако, какъ это можно видѣть и въ другихъ мѣстахъ, человекъ является здѣсь первымъ врагомъ благодѣтельныхъ силъ природы и, конечно, несетъ за это жестокое возмездіе.

Алашанскій ванъ, озабоченный недостаткомъ воды въ своей резиденціи, спрашивалъ меня, чѣмъ объяснить то обстоятельство что на китайской сторонѣ хребта ключи болѣе многоводны и нельзя ли усилить водоносность монгольской стороны. Вѣроятно на глазахъ самого старика оазисъ бѣднѣетъ водой, но едва ли правитель монголовъ ставитъ это въ какую-либо зависимость отъ хищнической вырубкѣ лѣса по ущельямъ хребта. Да если бы и сознавалъ, то едва ли былъ бы въ состояніи остановить ее, какъ не могъ сохранить за собой каменноугольныхъ залежей вблизи Чабагатэн-гола. Китайцы стали здѣсь полными господами положенія. Тѣснясь около Желтой рѣки, они стараются все полнѣе и полнѣе использовать ея воду. Поэтому вырубкѣ лѣсовъ отразится мало на ихъ благосостояніи, монголамъ же грозитъ раззореніе.

Къ статьѣ «Алашанскій хребетъ» А. Чернова.
«Извѣстія» И. Р. Г. О. 1911 г., т. XLVII, в. I—V.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
222	19 сверху	стороны русла	правой стороны русла
224	3 »	мѣшками	мотками
»	25 »	размелось	разлилось
226	24 »	въ двухъ ниже-	въ десяти ниже

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XLVII, вып. I—V, 1911 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. остр., 5 лин., 28.

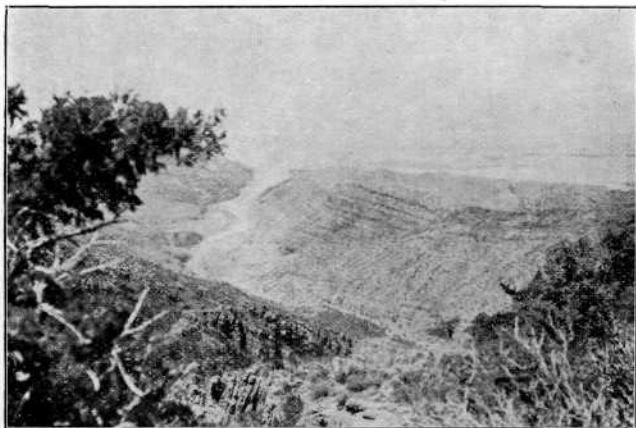


Рис. 1. Видъ съ вершины Цзурху на ущелье Мурин-голь.



Рис. 2. Прорывъ Желтой рѣки черезъ Алашанскій хребетъ
ниже сел. Шичзу-ице.



Рис. 3. Видъ съ юга на кумирню Намбарасэн-хить и
гряды известняковъ.



Рис. 4. Угленосная свита въ ущельѣ Цаган-тохойн-голь и
китайцы съ арбами каменного угля.

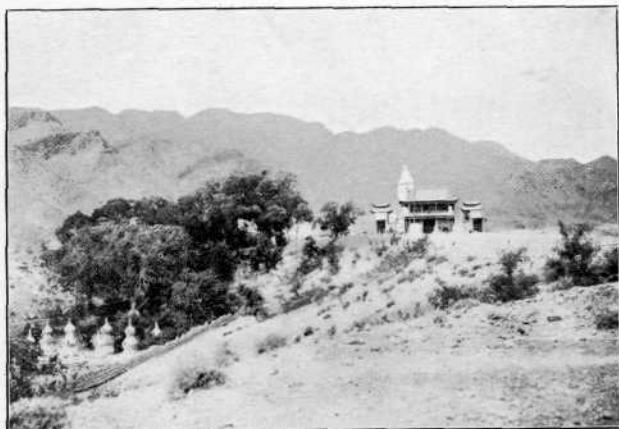


Рис. 5. Монастырь Цаган-Утай съ южной стороны.



Рис. 6. Видъ на арку въ главной улицѣ Нин-ся съ
восточной стороны.